
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 930.26

DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-5-21

ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ ПАМЯТНИКА ЛОРИ БЕРД: ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

EXTRAORDINARY BURIALS FROM LORI BERD MONUMENT: INTERPRETATION OPPORTUNITIES

А.Ю. Худавердян¹, С.Г. Деведжян¹, Ш.А. Варданыан², А.А. Енгибарян²
A.Yu. Khudaverdyan¹, S.G. Devedjyan¹, Sh.A. Vartanyan², A.A. Yengibaryan²

- 1) Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения
Республика Армения, 0025, г. Ереван, ул. Чаренца, 15
- 2) Ереванский государственный медицинский университет,
Республика Армения, 0025, г. Ереван, ул. Корюна, 2

- 1) Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences
of the Republic of Armenia,
15 Charenc st., 0025, Yerevan, Republic of Armenia
- 2) Yerevan State Medical University, 2, Koryun st., 0025, Yerevan, Republic of Armenia

E-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Аннотация

Экстраординарные погребения отражают малоизученные в армянской археологии специфические формы обращения с телом умершего и его костными останками. Анализируются несколько способов обращения с останками у населения эпох поздней бронзы и железа из памятника Лори Берд: расчленение тел, выставление, кремация, захоронение только правой половины черепной коробки и фрагментов посткраниального скелета. Проведенное исследование позволяет решить широкий круг экспертных вопросов, связанных с прижизненными и посмертными нарушениями, а также идентификацией видов орудия. Тщательное рассмотрение «нестандартных» древних объектов может дать чрезвычайно важную информацию об особенностях жизни и смерти древнего или средневекового населения, которые нельзя установить по «стандартным» погребениям.

Abstract

Extraordinary burials reflect poorly studied in Armenian archeology specific forms of treatment of the deceased body and its bone remains. It is analyzed several methods of treating buried remains of the Late Bronze Age and Iron Age from Lori Berd monument, such as: body dissection, exhibiting, cremation, burial of only the right half of a cranium and fragments of postcranial skeleton. The conducted research allows to solve wide range of expert issues associated with intravital disorders and postmortem, as well as identification of types of guns. Lori Berd for the first time clearly records polyvariant manipulations with the bodies of the deceased on the territory of Armenia. In its burials the skeletal remains are fixed in a dismembered, exposed, cremated, anatomically inconsistent order and are represented by a notoriously incomplete set of bones. Author comes to the conclusion that specific types of burials reflect poorly studied in Armenian archeology specific forms of treatment of the deceased's body and its bone remains.

Ключевые слова: Армения, эпоха поздней бронзы, железный век, расчленения, кремация.
Keywords: Armenia, Late Bronze Age, Iron Age, body dissection, exhibiting, cremation.

Археологам и антропологам, работающим на погребальных памятниках, хорошо известно, что не всегда можно зафиксировать «правильное» анатомическое положение костяка, имеющего в сохранности абсолютно все скелетные элементы, которые при этом находятся в полном анатомическом соответствии. С момента погребения тело умершего начинает испытывать воздействие целого спектра естественных деструктивных факторов, приводящих к смещениям в первоначальном положении костяка, а иногда полной деструкции, как его отдельных скелетных элементов, так и всего костяка в целом. С другой стороны, согласно этнографическим данным, известны самые различные приемы преднамеренного нарушения анатомической целостности тела умершего до его погребения. Подобные способы обращения с умершими приводят к появлению археологически фиксируемых расчлененных, вторичных и парциальных погребений [Зайцева, 2005, с. 14-16].

Под расчлененным погребением мы понимаем помещение в могилу преднамеренно расчлененного после смерти или непосредственно в момент смерти тела умершего, причем расчлененное тело могло захораниваться как полностью, так и частично, как в одном месте, так и в разных местах. Под вторичным погребением предполагается перемещение и перезахоронение человеческих останков после «временного» (первичного) погребения. Парциальное погребение предполагает помещение в могилу только части тела умершего или его костных останков. Парциальное погребение может являться частным случаем расчлененного, если после расчленения захоранивается только часть трупа, или его отдельные части погребаются в разных местах. Парциальное погребение может также быть частным случаем вторичного, если после первичного погребения кости были собраны не полностью, или же кости одного индивида преднамеренно захоранивались в разных местах.

Интерес к погребениям с нарушенной анатомической целостностью костяка появился в Армении в начале XXI в. Ныне существование в Армении расчлененных, парциальных и вторичных погребений в различные периоды от бронзы до позднего средневековья уже не ставится под сомнение [Деведжян, 2006, с. 98; Худавердян и др. 2013, с. 81, 83, 85-88]. Часто такие погребения в силу своей редкости совсем не используются в анализе и систематизациях или только упоминаются в работах, что не способствует их детальному изучению. С другой стороны, подчеркиваются серьезные методические сложности и отсутствие четких критериев их выявления. Но тщательное рассмотрение «нестандартных» древних объектов может дать чрезвычайно важную информацию об особенностях жизни и смерти древнего или средневекового населения, которые нельзя установить по «стандартным» погребениям.

Погребальный обряд – один из наиболее семантически насыщенных и информативных источников по изучению древнего мировоззрения. Все разновидности погребальных обрядов находят мировоззренческую первооснову в представлениях о смерти-перерождении. Погребальный обряд представляет собой особый цикл действий, последовательно совершаемых с момента смерти человека до его погребения. Интерпретация археологически фиксируемых особенностей погребального обряда возможна только при условии широкого привлечения данных этнографии и фольклора, т.е. сопоставления разных семиотических текстов, в которых дублировалась традиционная модель мира. «Расчленение вселенной, животного, человека, вещи представляет один из наиболее универсальных мотивов мировой мифологии. ... расчленение обозначает умерщвление. ... убить, т.е. лишить сущности, можно лишь, разъяв тело чисто физически на части, клочья, куски... Покойник часто не считался окончательно мертвым до тех пор, пока не был окончательно расчленен, т.е., пока не была нарушена физическая целостность его тела» [Евсюков, 1988, с. 45]. Представление о том, что расчленение способствует возрождению, имеет очень древние корни и широко засвидетельствовано в мировом фольклоре [Пропп, 1998, с. 186]. Расчленение в этом смысле, как и сожжение, у многих народов означает освобождение души от оков телесности и является способом перевода в иное состояние [Пропп, 1998, с. 186]. Существовали и представления о расчленении как препятствии к возрождению [Худавердян и др., 2013, с. 85-87]. В селькупской сказке о борьбе Ичи с великаном Пюнегуссе, последнему все же не удается восстать из мертвых и после того, как Ича порубил его на куски, причем Пюнегуссе «приобрел новую жизнь и еще новую силу,

сделавшись несравненно более могущественным, чем был ранее» [Доннер, 1915, с. 45]. Иче пришлось для того, чтобы предупредить всякую возможность повторного возрождения Пюнегуссе полностью уничтожить его тело – сжечь на костре. Здесь мы видим, что сожжение оказывается более радикальным средством. Ю.А. Шилов же рассматривает расчлененные погребения как человеческие жертвоприношения, обращая внимание читателя на арийский Гимн Пуруше [Шилов, 1995, с. 13]. По мнению исследователя, такие жертвоприношения были добровольными. В том случае, если в погребении находились двое погребенных, один в стандартной позе, а второй расчлененный, то последний субъект как бы усиливал магические способности сопровождавшегося им «обычного» покойника.

Первыми расчленяли тела умерших *homo erectus* 500–300 тыс. лет назад [Ullrich, 1989. S. 227-236]. Расчленение тел – характерная черта ранних мустьерских погребений [Rosos etc., 2012, p. 61]. Расчленения встречаются в комплексах ямной [Агульников, 2010, с. 323-344], катакомбной [Мельник, 1991, с. 114], белозерской [Агульников, 2010, с. 184], срубной [Усачук и др., 2010, с. 197-198] культур. Ритуальное расчленение умерших известно и в скифское время [Гречко, 2014-2015, с. 194-195].

Захоронения расчлененных трупов в могильниках Армении обнаружены с эпохи средней бронзы (Лори Берд, Артик, Степанаван, Верин Навер, Карашамб, Талин, Лчашен II, Канагех, Арцваник, берег Апаранского водохранилища, Хнаберд, Бовер, Багери Чала, Барцрjal, Ширакаван) [Хачатрян и др., 1975, с. 146; Деведжян, 2006, с. 98; Худавердян и др., 2013, с. 81; Худавердян и др., 2015, с. 48].

Иногда наблюдается ошибочная тенденция, когда любое нарушение анатомической целостности костяка и/или его некомплектность объясняется расчлененным погребением. Определить, было ли в могилу помещено тело с уже нарушенной анатомической целостностью, или же наблюдаемое анатомическое несоответствие в положении костяка вызвано постдепозиционными смещениями и нарушениями, на основе чисто археологических методов зачастую оказывается невозможным. Выход из сложившейся ситуации видится нам в привлечении возможностей естественных наук и интеграции методов археологии, физической антропологии, судебно-медицинской экспертизы и тафономии.

Комплексный подход, тщательный анализ и фиксация всего антропологического материала позволят установить, произошло ли расчленение после смерти человека и является ли особой формой обращения с телом умершего, или же расчленение стало причиной смерти. Каким бы образом не осуществлялась процедура расчленения тела на отдельные сегменты, следы этих операций всегда фиксируются на костях [Худавердян и др., 2013, с. 81; Ullrich, 1989. S. 51-71]. Их наличие может служить надежным тафономическим индикатором расчлененных погребений. Даже в случае очень аккуратного и «профессионального» расчленения по суставам, следы порезов или рубки обязательно останутся в области суставных поверхностей костей. Чаще всего рубленые повреждения трубчатых костей встречаются при исследовании расчлененных трупов [Дементьева, 1955, с. 9]. Острота лезвия, толщина, уровень погружения и выраженность углов определяют морфологические свойства повреждений. Огромное значение также имеют условия воздействия [Шадымов, Рыкунов, 2012, с. 43] – высокая скорость и большая масса (которые обеспечивают достаточную энергию удара) в сочетании с направлением удара (встречное, под острым углом). По классификации Х. Ульриха [Ullrich, 1989. S. 51-71], к посмертным искусственным разрушениям относятся следы надрезов, ямки, скобления, неглубокие вдавления сходной структуры, дефекты сочленовных поверхностей и в местах прикрепления мышц, разрушение основания черепа, фрагментация черепа и посткраниальных элементов, продольное расщепление диафизов и полировка костных фрагментов. По другой классификации, посмертные преднамеренные разрушения проявляются в извлечении мозга, повреждениях лицевого скелета, обугливании костей, расчленении, отсутствии некоторых элементов скелета (в т.ч., многих позвонков), расщеплении диафизов длинных костей, обнажающем полость костномозгового канала; в надрезах, костных разломах, абразивных повреждениях, причиненных орудиями, полировке фрагментов [Pearson, 1999, p. 76].

Традицию кремации можно отнести к универсальным человеческим феноменам, ее возникновение фиксируется на различных территориях, в разнообразных культурных контекстах во все эпохи существования самой погребальной обрядности. Наиболее ранние погребальные памятники, в которых можно предполагать следы преднамеренного использования огня, относятся к среднему палеолиту [Смирнов, 1997, с. 119]. Особенности проведения кремации известны нам по текстам - сценам погребения Патрокла и Гектора в «Илиаде» Гомера [Гомер, 1949, с. 115-257, 785-800]. Практика огненных жертвоприношений, сформировавшаяся в раннеземледельческих культурах Ближнего Востока, была призвана обеспечить благосклонность богов. На Ближнем Востоке кремация тел считалась привилегированным способом погребения умершего [Rosen, 2004, p. 127]. Данный способ обращения с останками встречается в культуре хеттов. Среди табличек из Богазкёя есть ряд фрагментов, относящихся к описанию ритуала похорон царя или царицы. Согласно описанию, в первый день совершалась кремация тела. «На 2-й день, как только рассветает, женщины идут..., чтобы собрать кости... Они берут кости серебряной *латта* и погружают их в очищенное масло в серебряном кувшине, затем они вынимают кости из очищенного масла и кладут их на льняной *гаццарнулли*, под который подложена «красивая одежда». Кончив собирать кости, они заворачивают их вместе с льняной тканью в «красивую одежду» и кладут их на стул; а если это женщина, они кладут их на скамеечку... Перед стулом, на котором лежат кости, они ставят стол и угощают горячими хлебами... И всех, кто пришел собирать кости, они потчуют едой... [Затем] они берут кости... и приносят их в его “Каменный дом”» [Герни, 1987, с. 146-147].

Во многих евразийских культурах энеолита - бронзы (трипольская, софиевская, баденская, Злота, Волынь и др.) обнаружены погребения с кремированными останками человека [Rosen, 2004, p. 127-129]. С середины II тыс. до н.э. обряды трупосожжения приобретают массовый характер на территории Евразии. Ряд ученых [Conklin, 1995, p. 88; Turner, Turner, 1999, p. 267] связывают обряд трупосожжения с каннибализмом. По мнению Тернеров, в доисторическом Эназаси свои жертвы перед съеданием жарили на костре.

Обряд «выставления», когда раздетые догола тела умерших выставляли на открытом месте на растерзание хищным птицам, являлся важнейшим определяющим признаком обширной этнической общности, известной в античных источниках ахеменидского и эллинистического времени [Пьянков, 1988, с. 214-215]. По учению Ахурамазды, всё, связанное со смертью, считалось нечистым, в т.ч., всякий труп, который не должен был соприкасаться с чистыми стихиями - землей, водой и огнем. Поэтому зороастрийцы практиковали выставление раздетых тел умерших на растерзание хищным птицам, а кости сбрасывались затем на дно колодца, облицованного камнем [Токарев, 1986, с. 344-345]. Для хорезмийского варианта зороастризма также было характерно выставление трупов для очистки, но с последующим погребением костей в специальных костехранилищах-оссуариях [Ягодин и др., 1985, с. 331]. В этом случае остатки трупа (элементы силы тьмы и зла), надежно изолировались от чистых стихий, и, в первую очередь, от земли и воды.

Лори Берд – уникальный памятник относительно погребального обряда, но этническое ли это, или же социальное своеобразие? Необходимо комплексное исследование погребений из раскопок 2007-2011 гг. с нарушенной анатомической целостностью костяка. В этих погребениях скелетные останки фиксируются в расчлененном, выставленном, кремированном, анатомически несогласованном порядке и представлены заведомо неполным набором костей. «Особые» виды погребений отражают малоизученные в армянской археологии, специфические формы обращения с телом умершего и его костными останками. Привлечение также этнографических источников в определенной мере позволит раскрыть некоторые стороны мифоритуальных представлений, определявших подобные способы обращения с умершими.

Погребение 103 (раскопки 2007-2008 гг., рис. 1). Диаметр кромлеха 8,5 м. Грунтовая, прямоугольная камера (2,4×1,2×1,2 м) с северо-восточной и юго-западной ориентацией. Погребение датируется эпохой поздней бронзы. Прослежены следы вторичного проникновения в камеру. В центре погребения был помещен череп одного индивида (условно 1) и были сгруппированы фрагменты костей черепа другого (условно 2). Неполные кости посткрани-

альных скелетов расположены не в анатомическом порядке и дистанцированы в пределах могилы. По морфологическим признакам скелет № 1 принадлежал мужчине, биологический возраст которого определяется в пределах 20-29 лет. У индивида выявлены лопатообразные формы верхних латеральных резцов и метопический шов. Поротический гиперостоз фиксируется на правой теменной кости. Маркер формируется в детском возрасте и чаще всего ассоциируется с железодефицитной анемией, которая развивается при хроническом течении инфекционных и паразитарных заболеваний. Обнаружены поражение (типа *stibra*) в области правого наружного слухового прохода, что представляет собой результат адаптации организма к ветренным условиям. Обнаружены также остеофитные образования в области наружного слухового прохода, которые представляют собой опухоли остеобластического происхождения, в виде бесформенных масс. Появление экзостозов связывается с напряжением надкостницы и формированием нового костеобразования под действием холодной воды, способствующей сужению кровеносных сосудов в ушном канале. Эмалева гипоплазия, маркер стрессов детского возраста, обнаружена на клыках и на правом первом премоляре, что позволяет считать, что в возрасте от 6 месяцев до 10 лет индивид перенес сильный физиологический стресс (недоедание, наблюдался дисбаланс в рационе питания и т.д.). На левом втором премоляре выявлен кариес. Клинические данные связывают наличие кариеса у индивидов с потреблением большого количества углеводов (углеводов). На правом клыке обнаружено травматическое повреждение непреднамеренного происхождения. Серьезным травмирующим фактором при случайном попадании на зуб могут служить мелкие обломки костей, застрявшие в мясе. Увеличение толщины компактного слоя правой бедренной кости можно трактовать как гиперостоз от перенапряжения, т.е. результат повышенной механической нагрузки на нижнюю конечность. Превышение показателей компактного вещества над шириной костномозгового канала говорит о рабочей гипертрофии - одной из наиболее частых форм интенсификации костеобразовательного процесса. Сильно выражен на правой бедренной кости *linea aspera*, образовавшийся под влиянием многолетней верховой езды [Carasso *etc.*, 1999, p. 104]. Следы расчленения выявлены на правой бедренной и левой плечевой костях (рис. 2, 3). Расчленение проводили в то время, когда кости были связаны мягкими тканями. По морфологическим признакам скелет № 2 принадлежал мужчине 40-49 лет. Остатки костяков неполные. У индивида обнаружено острое гнойное воспаление тканей левого сосцевидного отростка височной кости (мастоидит). При мастоидите бактерии проникают из среднего уха в ячейки сосцевидного отростка, где воспаление приводит к разрушению костных структур. Следы расчленения не выявлены.

Погребение 105 (раскопки 2009 г., рис. 4). Прямоугольная камера в каменном ящике ориентирована на восток-запад (4,4×1,6 м, глубина 1,6 м). Судя по описи инвентаря (железный браслет с золотыми головками, роскошные стеклянные вазы, бронзовый котел урартского типа, бронзовые чаши, ковш, трезубец и т.д.), погребение датируется VI-V вв. до н.э. На восточной стороне камеры были выложены в псевдоанатомическом порядке останки мужчины 18-20 лет. *Костные остатки* – далеко не полные. У индивида фиксируются следующие краниоскопические признаки: *os zygomaticum bipartitum*, *foramina zygomaticofacialia*, *os wormii suturae squamosum*, *os postsquamosum*, *os wormii suturae lambdoidea*, *canalis condyloideus*, *foramina mastoidea*. Одонтологический комплекс характеризует индивида как представителя «западного» одонтологического ствола. Фиксируются бугорок Карабелли (балл 3), каленчатая складка метаконида, 2med (II), четырехбугорковые формы на первых и вторых нижних молярах, межбугорковые борозды на M₁ имеют «У» тип узора, на M₂ – «Х». Поротический гиперостоз фиксируется на правой теменной кости. У правого ушного прохода обнаружены поражения типа *stibra* и остеофитные образования. Отдельные фрагменты посткраниального скелета - со следами расчленения. На рис. 5-6 демонстрируются разрубленные фрагменты правой бедренной (на уровне *fossa trochanterica*) и безымянной (на латеральной стороне в области *limbus acetabuli*) костей. Удар со значительной силой по бедру привел к частичному погружению в кость лезвия оружия (рис. 5). Край разруба скругленный, длина разруба составляет 7 мм, ширина –

4 мм. Только при ударе со значительной силой края повреждения на наружной костной пластинке бывают ровные, а концы П-образные. Отмечается локализация сколов, как на поперечной части разруба, так и на боковых его стенках. Это явствует, что производился удар оружием с углом заточки 30° [Шадымов, Рыкунов, 2006, с. 43]. Ширина сколов от 2 до 4 мм. На дне разруба обнаружены костные осколки. На безымянной кости длина разруба равна 6 мм, ширина – 5 мм. Обряд частичной кремации умершего прослежен в погребении. Частичное сожжение костей могло производиться после расчленения. Косвенным подтверждением этому служит малый объем жженных остатков в этом погребении, не исключено, что в могилу помещали только часть обожженных остатков. Сожжение тела совершалось на стороне, вероятно, на погребальном костре, так как в погребении следов прокала не обнаружено, и предметы не подвергнуты воздействию огня. После кремации кальцинированные кости переносились в могилу. На зубах (рис. 7) и на фрагментах костей посткраниального скелета (рис. 8) деформации умеренные. Это дает основание предполагать, что трупосожжение шло при $t 300^\circ\text{C}$ [Walker, etc., 2008, p. 135].

Погребение 106 (раскопки 2008 г., рис. 9). Камера в каменном ящике ориентирована на восток-запад. Погребение датируется VI-V вв. до н.э. Средняя длина камеры 5,8 м, ширина 2 м, глубина 2,1 м. В погребении обнаружены костные останки двух индивидов. *Сопровождающий инвентарь* состоит из халцедоновой цилиндрической печати неоассирийского или неовавилонского типа, золотые украшения (серьги), серебряный браслет с зажимом, серебряная и бронзовая чаши, пиалы красного и черного цвета, железные удила и т.д. На восточной стороне камеры фрагменты костей черепа мужчины 30-39 лет выложены на гладком камне. Нижняя челюсть отделилась и находилась к западу от фрагментов черепа. У индивида фиксируются следующие дискретно-варьирующие признаки: *os wormii suturae sagittalis*, *os asterion*, *os wormii suturae lambdoidea*. Фиксируются редукция гипоконуса на M^2 , пятибугорковые формы на первом нижние моляре, межбугорковые борозды на M_1 имеют “У” тип узора, четырехбугорковые формы выявлены на вторых и третьих молярах и имеют “+” тип узора. Полностью отсутствуют признаки восточного одонтологического ствола. Макроскопический метод исследования позволил установить закономерности структурной перестройки затылочной кости. Ответной реакцией организма человека на физическую нагрузку, хроническую (многократную) микротравму является образование затылочных структур (*torus occipitalis*). *Torus occipitalis* развит умеренно (балл 2). Эмалевая гипоплазия обнаружена на резцах, клыках и премолярах. На левом втором моляре выявлен кариес. Следы расчленения обнаружены на левой бедренной кости (рис. 10). На костях также выявлены следы ямок, скобления, дефекты сочленовных поверхностей (рис. 11). «Расчесы» и «погрызы» затрагивают всю окружность длинных костей. Нет сомнений, что эти деструкции – результат деятельности мелких животных при полном или частичном поедании мягких тканей. Тело индивида, возможно, оставили на возвышенности для распада мягких тканей и съедания хищными птицами и только потом похоронили. На костях посткраниального скелета следы частичного сожжения (температура 300°C) [Walker, etc., 2008, p. 135]. По морфологическим признакам череп № 2 принадлежал мужчине 50-59 лет. У индивида фиксируются теменные отверстия (краниоскопический признак). Отдельные фрагменты черепа и посткраниального скелета со следами частичного сожжения ($t 300^\circ\text{C}$). На затылочной кости обнаружена прижизненная травма со следами воспаления, которая была получена незадолго до смерти.

Погребение 107 (раскопки 2008 г., рис. 12). Камера в каменном ящике ($3.35 \times 1.8, 1.75 \times 1.7$) ориентированная на северо-запад. Погребение датируется VII-V вв. до н.э. В северной части камеры, на небольшой каменной плите, находилась правая половина черепа мужчины 50-55 лет (рис. 13). Череп был размещен внутри бронзового пояса. Лицевая часть была обращена на запад. В погребении также были захоронены две лошади, положенные на брюхо вытянуто, головы повернуты влево. *Сопровождающий инвентарь* состоит из железных удил, бронзовых гривен, кинжала и т.д. Череп очень длинный (199 мм), высота правой ветви нижней челюсти очень большая (73 мм), высота тела – средняя (30

мм), толщина – очень большая (15 мм), наименьшая ширина ветви большая (37 мм). На черепе фиксируются следующие дискретно-варьирующие признаки: *foramina supraorbitalia*, *os wormii suturae squamosum*, *foramina parietalia*, *os asterion*, *foramina mastoidea* (вне шва). Четырехбугорковые формы фиксируются на первом, втором и третьем молярах нижней челюсти, межбугорковые борозды имеют “У” (M_1 , M_2) и “Х” (M_3) типы узоров. Полностью отсутствуют признаки восточного одонтологического ствола. Поротические изменения на верхней стенке орбиты (*cribra orbitalia*) выражены сильно (балл 3). Поротический гиперостоз фиксируется и на затылочной кости. Обнаружены поражение типа *cribra* в области правого наружного слухового прохода и остеофитные образования (экзостозы). Также сильно выражены лингвальные экзостозы на верхней (*torus palatines*, балл 3) и нижней (*torus mandibularis*, балл 3) челюстях. Челюстные экзостозы имеют сложную этиологию и определяются как генетическими, так и средовыми факторами. Считается, что у генетически предрасположенных индивидов челюстные экзостозы появляются тогда, когда средовой стресс достигает определенного уровня. К первоочередным средовым факторам, активирующим рост челюстных экзостозов, относят жевательную гиперфункцию. Травматические повреждения непреднамеренного происхождения выявлены на премоляре (P^2) и моляре (M^1). Отложение зубного камня обнаружены на премоляре (P^2) и молярах (M^1 , M^2). Образование зубного камня имеет сложную этиологию и частично зависит от диеты. Эмалевая гипоплазия обнаружена на резце (I^2), клыках (С) и премоляре (P_1). Кариес зафиксирован на молярах (M^2 , M_1). Используя программу балловой оценки «функциональных комплексов» элементов рельефа костей черепа [Худавердян, 2016, с. 103-105], мы определили возможную степень развития скелетной мускулатуры. Затылочные структуры выражены средне (*occipital torus*: балл 2, *retromastoid process*: балл 1, *posterior supramastoid process*: балл 1). В результате повышения нагрузки на кости верхних конечностей изменилась форма, ширина ключицы, увеличилась толщина его компактного слоя. У индивида сильно выражена внекапсульная мощная клювовидно-ключичная связка (*lig. coracoclaviculare*), конусовидный бугорок (коническая связка, *lig. conoideum*) и трапециевидная связка (*lig. trapezoideum*). Следы расчленения выявлены на суставной поверхности акромиона (рис. 14). На отдельных костях посткраниального скелета обнаружены «расчесы» и «погрызы». Отдельные фрагменты посткраниального скелета со следами частичного сожжения (температура 300°C) [Walker, etc., 2008, p. 135].

Погребение 109 (раскопки 2011 г.). Прямоугольная камера в каменном ящике ориентирована на восток-запад. Погребение датируется VI-V вв. до н.э. Высота камеры 0.75 м, длина 4.15 м, ширина 1.5 м, глубина 1.5 м (рис. 15). В погребении обнаружены костные останки одного индивида. *Сопровождающий инвентарь* состоит из бронзовых колоколов, стеклянных предметов, железных копий, стрел и т.д. По морфологическим признакам фрагменты костей скелета принадлежат мужчине 50-55 лет. На нижней челюсти зафиксированы дополнительные подбородочные отверстия (*foramina mandibularia*: дискретно-варьирующий признак). Фиксируются пятибугорковые формы на первом нижние моляре, четырехбугорковые - выявлены на втором моляре и имеют “Х” тип узора. Нами зафиксирован один из редких расово-разграничительных признаков – «Бугорок Карабелли де Йонге». Этот дополнительный бугорок обнаружен на лингвальной поверхности нижнего второго моляра. Из признаков восточного одонтологического ствола фиксируется коленчатая складка метоконида. Цвет толщи компактной костной ткани на фрагменте нижней челюсти светло-серый (рис. 16), в ряде мест заметны потемнения. Такие характеристики дают основание предполагать, что трупосожжение проходило при высокой температуре (600–700 °C) [Walker, etc., 2008, p. 135] на открытом воздухе.

От физической смерти к социальной. Описанные выше останки человеческих скелетов позволяют предполагать, что тела части умерших лори-бердцев подвергались расчленению, выставлению и частичной кремации. Морфологические исследования поврежденных костей скелета имеют важное диагностическое значение, так как позволяют решить широкий круг экспертных вопросов и относятся к числу сложных и малоизученных вопросов,

связанных с прижизненными и посмертными нарушениями, а также идентификацией видов орудия по видоспецифическим особенностям причиненных повреждений. Костная ткань является хорошим следовоспринимающим объектом. Экспертиза костей показала, что расчленение тел в Лори Берде проводилось после смерти или непосредственно в момент смерти умерших. В камеру помещали только фрагменты тела умершего или его костных элементов. Мы предполагаем типы орудия, которыми могли быть нанесены посмертные повреждения на костях скелета. Разновидность широколезвийного топора с ручкой была обнаружена в погребении 106 (Лори Берд, рис. 17). Держа такой топор прямо под лезвием, им можно было наносить удары как кастетом. Подобным топором расчленяли головы в древнем Египте (рис. 18). Могли расчленять и оружием в форме серповидного рубяще-режущего меча (секачи). По форме и функциональным возможностям это что-то среднее между мечом и топором. На рисунках внутри египетских пирамид при нанесении рубящих ударов изображены именно подобные орудия (хопеш) (рис. 19).

С момента наступления физической смерти до окончательного погребения и смерти «социальной» проходит определенный период, зачастую весьма продолжительный, в который совершаются многообразные церемонии и ритуальные действия с трупом. По мнению некоторых исследователей, погребальный обряд следует рассматривать в ряду других «обрядов перехода» [Худавердян и др., 2013, с. 85], означающих перемены в статусе индивида (рождение, инициация и т.д.). В данном случае, погребальный обряд – это переход умершего члена общества из мира живых в мир мертвых. Мы можем говорить о поливариантности манипуляций с телами умерших в памятнике Лори Берд. На костях посткраниального скелета отчетливо видны следы рубленых дефектов, часть из которых нанесена сверху вниз. Исходя из характера повреждений, рубящий предмет был с «острым» лезвием (края и стенки дефектов ровные, приконцевые изменения незначительные). На безымянной и бедренных костях лезвие топора частично вонзали в кости трупа (рис. 2, 5, 6, 10). После расчленения в соответствии с существующими традициями могло подвергнуться выставлению как все тело, так и определенная его часть. На двух скелетах (пог. 106/1, 107) наблюдались «расчесы» и «погрызы» - следствие первичного воздушного погребения. Для получения такого же эффекта тело умершего могло помещаться во «временную могилу», которая выкапывалась в центре селения, на «сакрализованной» площади, и использовалась для всех умерших жителей деревни [Леви-Стросс, 1984, с. 110-112]. Р. Херц в своей работе «Коллективные представления о смерти» рассматривал подобные погребения в контексте воззрений на жизнь и смерть и указывал, что наступление окончательной смерти считалось только по окончании разложения трупа [Venbrux, 2007, p. 5-8]. П. Меткальф высказал противоположное предположение, что погребения с нарушенной антропологической целостностью скелета были результатом действия времени, необходимого соплеменникам для выполнения ряда ритуальных действий, требующих немалых материальных затрат. В это время тело сберегалось в определенном месте, которое можно считать первичным местом погребения [Schroeder, 2001, p. 80]. Также не следует исключать, что трупы умерших людей в холодное время года, когда было затруднительно сооружать каменные ящики, оставались непогребенными до весны, тогда могли совершать предварительное наземное или воздушное погребение. И уже потом, с приходом благоприятного сезона, останки человека переносились в подготовленную камеру.

При расчленении тела его части могли быть помещены как в одном месте, так и в разных. У двух мужчин (пог. 105: 18–20 лет; 107: 50–55 лет) головы отчленили и разрубили посередине; были захоронены только правые части черепной коробки и фрагменты посткраниального скелета [Худавердян и др., 2013, с. 85]. Правый и левый – одно из главных противопоставлений в древних мифологиях (особенно в дуалистических и близнецных мифах). Для большинства мифологий характерно использование признака «левый» в значении отрицательного, связанного с неправотой и загробным наказанием; «правый» - в значении положительного, а также мужского начала, будущего, света.

Обряд частичной кремации является продолжением ритуальных действий, совершаемых с телами умерших. Сожжение тела, по заложенному в нем смыслу (освобождение костей), не отличается от разрушения тела животными или природными факторами [Буркерт, 2000, с. 432]. Интересно, что кремации могло подвергаться не всё тело умершего, а лишь его часть [Берндт, Берндт, 1981, с. 374]. Кости индивидов из пог. 106 (на двух скелетах), 107 лишь несколько обуглились или слабо обгорели и не превратились в золу и пепел. Существует несколько возможных объяснений: а) зажигались ритуальные огни, и труп помещался на них, пока огонь еще не совсем погас; б) тела помещались на горящие угли, или же в) на краю костра, и проводилось сжигание на костре. Размеры кремированных фрагментов крупные, термические деформации умеренные (за исключением пог. 109). Кремация могла производиться после воздушного погребения, так как ко времени проведения обряда останки уже были лишены значительной части влаги и жировых веществ. Косвенным подтверждением этому служит малый объем фрагментов костей в камерах. Сжигали тела, вероятно, без одежды, так как в противном случае среди кремированных останков должны были сохраниться сгоревшие остатки украшений, нашитых на одежду. Основная часть праха могла быть помещена в другое место или развеяна по воздуху, рассыпана по земле. Оставшиеся костные останки помещали в погребальную камеру. По мнению некоторых ученых [Гуляев, 2006, с. 7], физическое состояние трупа и состояние души часто взаимосвязаны. Только когда труп достигал стабильной физической формы, будь то через разложение или кремацию, в конце данного процесса душа действительно становилась полноправным членом загробного мира.

Проблеме сознательной манипуляции с человеческими костными останками, вторичного обращения с ними до сих пор не уделялось широкого внимания. Типы погребального обряда (т.е. принципиально разные способы обращения с трупами), существующие единовременно в рамках одной культуры, имеют отношение к фактам социальной стратификации¹. Различия в погребальных ритуалах могли быть вызваны разницей в статусе умерших индивидов внутри данного общества, а также причиной (способом) смерти. Итак, обряд захоронения можно рассматривать как презентацию, назначение которой - продемонстрировать отношение к умершему, делая по необходимости акцент на его социальный статус, религиозную или этническую принадлежность.

По суммарной характеристике краниологических и одонтологических признаков индивиды из Лори Берда демонстрируют сходство с синхронными и более ранними сериями с территории Армении [Худавердян, 2010, с. 194-200; Khudaverdyan, 2014, p. 14-17]. Следовательно, это население сохраняло черты, присущие более древнему местному субстрату. Очевидно, захоронения в этих погребальных камерах принадлежали не рядовым жителям, и манипуляции с телами были связаны с образом умершего человека. Объем затрат труда коллектива в похоронном ритуале во многом зависел от социального статуса умершего индивида. Эти затраты отразились в таких чертах погребения, как его размеры, методы обращения с трупом и способ его захоронения, характер погребального инвентаря (предметы роскоши, пищи, имущества). По тем остаткам вещевого набора, которые дошли до нас, можно говорить о присутствии в этих погребениях богатого набора предметов роскоши, снаряжения коня и т.д. На высокий социальный статус погребенных здесь указывает особенная сложность и продолжительность погребального ритуала. Вероятно, в этих камерах были похоронены служители культа, общинные вожди или старейшины.

Кости покойного обычно ориентированы в погребении относительно сторон света. Главный смысл ритуальной ориентации покойника заключается в том, чтобы указать направление, в котором умерший (его душа) должен направиться для достижения мира мертвых [Косарев, 2003, с. 153]. Для Лори Берда характерна ориентировка погребения по линии восток-запад, с покойниками головой на восток – к восходу солнца, в сторону гря-

¹ П. Акко пишет: «В основной массе случаев, известных этнографически, культура или общество не характеризуется одним типом погребений, но, напротив, одно общество будет практиковать несколько разных форм погребения, и ... эти формы часто будут коррелировать со статусом умерших» [Charman, 1981, p. 8-9].

душего возрождения. Расчлняя, освобождая от плоти, частично разрушая (при кремации) тело, люди стремились всячески способствовать быстрейшему отделению души от тела покойного. В данных действиях прослеживается семантический комплекс «предки - кости - возможность новой жизни». Смерть при этом связывается с расчленением, растерзанием, сжиганием тела, захоронением и последующим возрождением. Лори Берд впервые четко фиксирует поливариантные манипуляции с телами умерших на территории Армении. В изучении погребального обряда внедрение методов физической антропологии, судебной медицины представляется весьма перспективным.

Рис. 1. Лори Берд, пог. 103
Fig. 1. Lori Berd, burial 103

Рис. 2. Расчлененный фрагмент диафиза правой бедренной кости (пог. 103-1)
Fig. 2. The dissected fragment of the diaphysis of the right femur (burial 103-1)

Рис. 3. Расчлененный фрагмент диафиза левой плечевой кости (пог. 103-1)
Fig. 3. The dissected fragment of the diaphysis of the left humerus (burial 103-1)

Рис. 4. Лори Берд, пог. 105
Fig. 4. Lori Berd, burial 105

Рис. 5. Неполное расчленение правой бедренной кости
 Fig. 5. Incomplete dismemberment of the right femur

Рис. 6. Неполное расчленение безымянной кости
 Fig. 6. Incomplete dismemberment of a nameless bone

Рис. 7. Фрагменты зубов с термической деформацией
 Fig. 7. Fragments of teeth with thermal deformation

Рис. 8. Фрагменты костей посткраниального скелета с термической деформацией
 Fig. 8. Fragments of the bones of the post-cynical skeleton with thermal deformation

Рис. 9. Лори Берд, пог. 106
Fig. 9. Lori Verd, burial 106

Рис. 10. Неполное расчленение левой бедренной кости
Fig. 10. Incomplete dismemberment of the left femur

Рис. 11. Фрагменты костей постканиального скелета со следами ямок, скобления и с термической деформацией
Fig. 11. Fragments of the bones of the post-cynical skeleton from the traces of pits, scrapings and with thermal deformation

Рис. 12. Лори Берд, пог. 107
 Fig. 12. Lori Berd, burial 107

Рис. 13. Правая часть черепа индивида из пог. 107
 Fig. 13. Right side of an individual's skull from burial 107

Рис. 14. Расчленение суставной поверхности акромиона
 Fig. 14. The dismemberment of the articular surface of the acromion

Рис. 15. Лори Берд, пог. 109
Fig. 15. Lori Berd, the burial 109

Рис. 16. Фрагмент нижней челюсти с термической деформацией
Fig. 16. Fragment of the lower jaw with thermal deformation

Рис. 17. Топор (пог. 106)
Fig. 17. The ax (burial 106)

Рис. 18. Держа жертву за волосы, голову отсекают топором
Fig. 18. Holding the victim by the hair, the head is cut off with an ax

Рис. 19. Хопеш
Fig. 19. Hopesh

Список литературы
References

1. Агульников С.М. 2010. Некоторые особенности погребального обряда Белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья. Индоевропейская история в свете новых исследований. М., Московский государственный областной университет, 183-192.
Agul'nikov S.M. 2010. Nekotorye osobennosti pogrebal'nogo obryada Belozerskoy kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya. Indoevropayskaya istoriya v svete novykh issledovaniy. M., Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet, 183-192.
2. Берндт Р.М., Берндт К.Х. 1981. Мир первых австралийцев. М., Наука, 222.
Berndt P.M., Berndt K.Kh. 1981. Mir pervykh avstraliytsev. M., Nauka, 222.
3. Буркерт В. 2000. Homo Necans. Жертвоприношение в древнегреческом ритуале и миф. Жертвоприношения: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М., Языки русской культуры, 405-478.
Burkert V. 2000. Homo Necans. Zhertvoprinoshenie v drevnegrecheskom rituale i mif. Zhertvoprinosheniya: Ritual v kul'ture i iskusstve ot drevnosti do nashikh dney. M., Yazyki russkoy kul'tury, 405-478.
4. Герни О.Р. 1987. Хетты. М., Наука, 310.
Gerni O.R. 1987. Khetty. M., Nauka, 310.
5. Гречко Д.С. 2014-2015. Об особых видах погребений у населения восточноевропейской Лесостепи VII-IV вв. до н. э. Древности. 13. С. 181-200.
Grechko D.S. 2014-2015. Ob osobyykh vidakh pogrebeniy u naseleniya vostochnoevropayskoy Leso-stepi VII-IV vv. do n. e. Drevnosti. 13. S. 181-200.
6. Гомер. 1949. Илиада. Пер. с древнегреч. В. Вересаева. М.-Л., Гослитиздат, 910.
Gomer. 1949. Iliada. Per. s drevnegrech. V. Veresaeva. M.-L., Goslitizdat, 910.
7. Гуляев В.И. 2006. Изучении погребального обряда в зарубежной археологии. Российская археология. 2: С. 5-14.
Gulyaev V.I. 2006. Izuchenii pogrebal'nogo obryada v zarubezhnoy arkheologii. Rossiyskaya arkheologiya. 2: S. 5-14.
8. Деведжян С. 2006. Лори Берд, Ереван, ЕГУ, 256.
Devedzhyan S. 2006. Lori Berd, Erevan, EGU, 256.
9. Дементьева С.Ф. 1955. К методике исследования рубленых повреждений мелких трубчатых костей. Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Хабаровск, 20.
Dement'eva S.F. 1955. K metodike issledovaniya rublenykh povrezhdeniy melkikh trubchatykh kostey. Avtoref. dis. ... kand. med. nauk. Khabarovsk, 20.
10. Доннер К. 1915. Самодийский эпос. Труды Томского общества изучения Сибири. Томск, 3. 1: 38-53.
Donner K. 1915. Samodiyskiy epos. Trudy Tomskogo obshchestva izucheniya Sibiri. Tomsk, 3. 1: 38-53.
11. Евсюков В.В. 1988. Мифология китайского неолита: По материалам росписей на керамике культуры яншао. Новосибирск, Наука, 288.
Evsyukov V.V. 1988. Mifologiya kitayskogo neolita: Po materialam rospisey na keramike kul'tury yanshao. Novosibirsk, Nauka, 288.
12. Зайцева О.В. 2003. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации. Автореф. дисс... к. ист. наук. Новосибирск, 22.
Zaytseva O.V. 2003. Pogrebeniya s narushennoy anatomicheskoy tselostnost'yu kostyaka: metodika issledovaniya i vozmozhnosti interpretatsii. Avtoref. diss... k. ist. nauk. Novosibirsk, 22.
13. Косарев М.Ф. 2003. Основы языческого миропонимания. М., Наука, 206.
Kosarev M.F. 2003. Osnovy yazycheskogo miroponimaniya. M., Nauka, 206.
14. Леви-Стросс К. 1984. Печальные тропики. М., Мысль, 422.
Levi-Stross K. 1984. Pechal'nye tropiki. M., Mysl', 422.
15. Мельник В.И. 1991. Особые виды погребений катакомбной общности. М., Наука, 198.
Mel'nik V.I. 1991. Osobye vidy pogrebeniy katakombnoy obshchnosti. M., Nauka, 198.
16. Пропп В. 1998. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., Лабиринт, 502.

- Propp V. 1998. Morfologiya <volshebnoy> skazki. Istoricheskie korni volshebnoy skazki. M., Labirint, 502.
17. Пьянкова Л.Т. 1998. Энеолит и бронзовый век. Ранний железный век: памятники материальной культуры. История таджикского народа. Душанбе, АН, I: 124-200.
- P'yankova L.T. 1998. Eneolit i bronzovyy vek. Ranniy zheleznyy vek: pamyatniki material'-noy kul'tury. Istoriya tadjhikskogo naroda. Dushanbe, AN, I: 124-200.
18. Смирнов Ю.А. 1997. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М., Восточная литература, 394.
- Smirnov Yu.A. 1997. Labirint: Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya. Issledovanie, teksty, slovar'. M., Vostochnaya literatura, 394.
19. Токарев С.А. 1986. Религии в истории народов мира. М., Политиздат, 526.
- Tokarev S.A. 1986. Religii v istorii narodov mira. M., Politizdat, 526.
20. Хачатрян Т.С. 1975. Древняя культура Ширака. Ереван, АН АрмССР, 374.
- Khachatryan T.S. 1975. Drevnyaya kul'tura Shiraka. Erevan, AN ArmSSR, 374.
21. Худавердян А.Ю. 2010. Морфологическая изменчивость некоторых структурных особенностей черепа у населения Армянского нагорья в свете эпохальных процессов. Человек: его биологическая и социальная история. М., Одинцовский гуманитарный институт, 1: 194–200.
- Khudaverdyan A.Yu. 2010. Morfologicheskaya izmenchivost' nekotorykh strukturnykh osobenno-stey cherepa u naseleniya Armyanskogo nagor'ya v svete epokhal'nykh protsessov. Chelovek: ego biologicheskaya i sotsial'naya istoriya. M., Odintsovskiy gumanitarnyy institut, 1: 194–200.
22. Худавердян А.Ю. 2016. Биоархеологические подходы к изучению следов искусственного воздействия на череп (на примере популяций эпохи бронзы и раннего железного века с территории Армении). Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1 (32): 103-114.
- Khudaverdyan A.Yu. 2016. Bioarkheologicheskie podkhody k izucheniyu sledov iskusstvennogo voz-deystviya na cherep (na primere populyatsiy epokhi bronzy i rannego zheleznoogo veka s territorii Armenii). Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 1 (32): 103-114.
23. Худавердян А.Ю., Деведжян С.Г., Еганян Л.Г. 2013. Способы обращения с телами умерших в памятниках Ширакаван и Лори Берд (Армения): по данным палеоантропологии. Вестник археологии, антропологии и этнографии. 4 (23): 80-93.
- Khudaverdyan A.Yu., Devedzhyan S.G., Eganyan L.G. 2013. Sposoby obrashcheniya s telami umershih v pamyatnikakh Shirakavan i Lori Berd (Armeniya): po dannym paleoantropologii. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 4 (23): 80-93.
24. Худавердян А.Ю., Енгибарян А.А., Обосян С.Г. 2015. Основные адаптивно значимые факторы природной и социальной среды у древнего населения бассейна р. Шнох (Лорийская область, Армения). Биологический журнал Армении НАН РА. 3 (LXVII): 47-60.
- Khudaverdyan A.Yu., Engibaryan A.A., Obosyan S.G. 2015. Osnovnyye adaptivno znachimye faktory prirodnoy i sotsial'noy sredy u drevnego naseleniya basseyna r. Shnokh (Loriyskaya oblast', Arme-niya). Biologicheskyy zhurnal Armenii NAN RA. 3 (LXVII): 47-60.
25. Усачук А.Н., Подобед В.А., Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В. 2010. Раскопки кургана срубной культуры на территории аэропорта г. Донецка. Донецкий археологичний збірник. 13-14: 185-202.
- Usachuk A.N., Podobed V.A., Polidovich Yu.B., Tsimidanov V.V. 2010. Raskopki kurgana srubnoy kul'tury na territorii aeroporta g. Donetska. Donets'kiy arkheologichniy zbimik. 13-14: 185-202.
26. Шадымов А.Б., Рыкунов И.А. 2012. Влияние условий внешнего воздействия на формирование рубленых переломов костей свода черепа. Медицинская экспертиза и право. 3: 42-46.
- Shadymov A.B., Rykunov I.A. 2012. Vliyanie usloviy vneshnego vozdeystviya na formirovanie rublenykh perelomov kostey svoda cherepa. Meditsinskaya ekspertiza i pravo. 3: 42-46.
27. Шилов Ю.А. 1995. Прародина ариев: История, обряды и мифы. Киев, б.и., 556.
- Shilov Yu.A. 1995. Prarodina ariev: Istoriya, obryady i mify. Kiev, b.i., 556.
28. Ягодин В.Н., Никитин А.Б., Кошеленко Г.А. 1985. Хорезм. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., Наука, 317-337.
- Yagodin V.N., Nikitin A.B., Koshelenko G.A. 1985. Khorezm. Drevneyshie gosudarstva Kavkaza i Sredney Azii. M., Nauka, 317-337.
29. Capasso L., Kennedy K., Wilczak C. 1999. Atlas of Occupational Markers on Human Remains. Teramo, Edigrafital S.p.A., 455.

-
30. Chapman R., Kinnes I., Randsborg K. 1981. Approaches to the Archaeology of Death // *The Archaeology of Death*. Chapman R., Kinnes I., Randsborg K. (eds). Cambridge, Cambridge University Press, 1-24.
31. Conklin B.A. 1995. Thus Are Our Bodies, Thus Was Our Custom: Mortuary Cannibalism in an Amazonian Society. *Amer. Ethnologist*. 22 (1): 75–101.
32. Khudaverdyan A. Yu. 2014. Diachronic Evidence in Nonmetric Morphological Characters of Teeth in Armenian Highland and Georgia Populations. *Dental Anthropology (U.S.A.)*. 28 (3): 3-18.
33. Pearson M.P. 1999. *The archaeology of death and burial*. Sutton Publishing Limited, 412.
34. Rosen F. 2004. *Cremation in America*. N.Y., w.p., 428.
35. Rosos A., Estalrrich A., Garía-Taberner A., Bastir M., Garía-Vargas S., Sánchez-Meseguer A., Huguet R., Lalueza-Fox C., Peña-Melán A., Kranioti E.F., Santamaría D., de la Rasilla M., Fortea J. 2012. Les Néandertaliens d'El Sidron (Asturies, Espagne). *Actualisation d'un nouvel échantillon. L'anthropologie*. 116 (1): 57-76.
36. Schroeder S. 2001. Secondary disposal of the dead: cross-cultural codes. *World cultures*. 12(1): 77-93.
37. Turner C.G., Turner J.A. 1999. *Man Corn: Cannibalism and Violence in the Prehistoric American Southwest*. Salt Lake City, UT, 324.
38. Ullrich H. 1989. *Kannibalismus im Palaolithikum*. Religion und Kult. Berlin, w.p., 51-71.
39. Venbrux E. 2007. Robert Herz's seminal essay and mortuary rites in the Pacific region. *Journal de la Société des Océanistes*. 124: 5-10.
40. Walker P., Miller K., Richman R. 2008. Time, temperature, and oxygen availability: An experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bone. *The analysis of burned human remains*. L., Acad. Press, 129-136.